

I.

Может ли философія исторіи „Войны и Мира“ быть отнесена къ опредѣленной школѣ? Нѣтъ, никогда. Ибо это не есть законченная, сама себѣ довлѣющая историческая теорія или соціологическая доктрина, принадлежащая къ той или иной рубрикѣ исторіософскихъ направленій. Если Толстой однимъ крыломъ своей устремляющейся вдаль философской мысли соприкасается съ теологическими ученіями Лорана или Боссюэта, то другимъ крыломъ онъ задѣваетъ безгранично далекій отъ нихъ историческій матеріализмъ. Толстой въ исторіи—это мыслитель, съ которымъ мы можемъ въ то м ѣ или и н о м ѣ согласиться; но уже ближайшій взмахъ крыла его грозитъ оставить насъ позади, чтобы слѣдить за его дальнѣйшими пареніями глазами посторонняго зрителя. Вотъ-вотъ мы готовы помириться съ Толстымъ, но уже на слѣдующемъ перекресткѣ приходится съ нимъ воевать: проникновеніе въ эпопею Толстого—это смѣняющіеся война и миръ съ художникомъ-мыслителемъ. И все же, несмотря на то, что это твореніе то вызываетъ восторженное согласіе, то срываетъ проклятія (Шелгуновъ), „Война и Миръ“ все же остается цѣльнымъ, замкнутымъ въ самомъ себѣ, какъ солнце, „какъ атомъ ээира“, произведеніемъ. Чѣмъ же едино это твореніе?

„Человѣкъ, въ связи съ общей жизнью человѣчества, представляется подчиненнымъ законамъ, опредѣляющимъ эту жизнь. Но тотъ же человѣкъ независимо отъ этой связи представляется свободнымъ. Какъ должна быть разсматриваема прошедшая жизнь